

Космическая гармония всегда больше машинерии Левиафана, подчеркивает М. Волошин, – и потому «Но взрывов гул и ядр поток / Ни звездной тиши, ни прохлады / Весенней – превозмочь не мог» [2, с. 34].

Выводы. В эсхатологической картине развитие человечества Бог предусматривает наказания для всего человечества, но это наказания механической части истории, бездушной машинерии и греха. Наказывая грех, Бог возвращает порядок и возвращает индивидуальность, воскресенье задумано для всех, но не все готовы принять себя и принять испытания, поэтому на данном этапе, в 1915 году, необходимо сжигание мира для его восстановления: слабый Христос проходит через смерть, и в событиях войны М. Волошин видит лишь испытание для избранных и преодоление греха. Особое место он отдает России – наиболее испытываемая, она должна получить наибольшую награду, через смирение стать новым царем, Царь-градом, что возможно только через возобновление старого Царьградского кода и славянской интерпретации мировой истории, не испорченной латинскими и парижскими трактовками. Это путь Аргонавтов за золотым руном, возрождение мифологии античности в ее славянском варианте, путь золотого века и царский путь Христа.

Таким образом, М. Волошин считает, что каждый человек должен стать судьей самому себе и нести всю ответственность не только за себя, но и за все человечество, это он может сделать только тогда, когда расшифрует для себя Божественные законы и сможет их интерпретировать правильно. Это произойдет только в том случае, когда каждый человек услышит живое слово и овладеет своим языком, языком символов. Тут важен как сам язык, так и символ, искажение системы как металингвистической трактовки, так и замена символа знаком приводит к катастрофе непонимания, борьбе за псевдо-справедливость и в конечном итоге – войне. То есть для всего человечества есть путь спасения и лежит он через символы, такой путь проделывают поэты и пророки, но должен совершить каждый человек, поэтому учение символизма становится жизненно необходимым для каждого человека, а царский путь – путь Христа – путем преобразования его души, после преобразования всех душ – путем преобразования всего мира. Символизм становится центральным философским пониманием в антропологии, а символистская книга «Анно мунди ардентис» («Anno Mundi Ardentis») – определяющей для всего человечества и разрешения антропологических проблем. Волошиновский текст становится метатекстом для всех религий и философии, а книга – манифестом символизма и символистского мировидения.

Литература:

1. Булгаков С. Свет Невечерний / С. Булгаков. – М. : Республика, 1998. – 360 с.
2. Волошин М. Anno Mundi Ardentis (1915) : Репринт. издание. – Симферополь : Таврида, 2008. – 70 с.
3. Волошин М. О самом себе / М. Волошин // Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 40-46.
4. Киньяр П. Римская эротика / Паскаль Киньяр // Киньяр П. Секс и страх: Эссе : Пер. с фр. – М. : Текст, 2000. – С. 59-69.
5. Кормин Н.А. Истоки соловьевской метафизики символа / Н.А. Кормин // Эстетика. – М., 2012. – С. 17-34.
6. Пайман А. История русского символизма / А. Пайман. – М. : Республика, 2000. – 415 с.
7. Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века / А. Эткинд. – М. : ИЦ Гарант, 1996. – 413 с.

УДК: 130.2

**Голованов Б.Д'. – канд. филос. наук, доцент
НТУ «ХПИ» (Харьков);
Фролова О.В. – канд. филос. наук, доцент
ХНУ им. В.Н. Каразина (Харьков)**

ПАРАДИГМА ПОЗИТИВНОЙ НАУКИ vs ИДЕОЛОГИЯ

В статье рассматривается трансформация классической рациональности в направлении диверсификации позитивной науки и иных форм освоения мира, таких как идеология и метафизика. Особое внимание уделяется исследованию противостояния позитивной науки и идеологии. Идеология рассматривается как духовно-практический феномен, не укладывающийся в каноны классической рациональности. Новый этап в развитии позитивной науке наступает с появлением учения о

ценностях. Модель ценностно-рационального действия дает возможность позитивной науке исследовать массовые политические акции, не обращаясь к категории «идеология».

Ключевые слова: рациональность, метафизика, идеология, ценности, эрзац-религия.

Голованов Б.Д., Фролова О.В. Парадигма позитивной науки vs идеология. У статті розглядається трансформація класичної раціональності в напрямку диверсифікації позитивної науки та інших форм освоєння світу, таких як ідеологія і метафізика. Особлива увага приділяється вивченню протистояння позитивної науки і ідеології. Ідеологія розглядається як духовно-практичний феномен, що не укладається в канони класичної раціональності. Новий етап у розвитку позитивної науки настає з появою вчення про цінності. Модель ціннісно-раціональної дії дає можливість позитивній науці дослідити масові політичні акції, не звертаючись до категорії «ідеологія».

Ключові слова: раціональність, метафізика, ідеологія, цінності, ерзац-релігія.

Golovanov B.D., Frolova O.V. The paradigm of positive science vs ideology. In the article, the transformation of classic rationality is examined in the direction of positive science diversification and other forms of mastering the world, such as ideology and metaphysics. The special attention is paid to the research of opposition between positive science and ideology. Ideology is examined as the spiritually-practical phenomenon that goes beyond the limit of the classic rationality canons. The new stage in development of positive science comes with appearance of studies about values. The model of valued-rational action gives positive science an opportunity to investigate mass political actions, without using the category of "ideology". Development of conceptual ideology model within the framework of methodological paradigm of positivism could be examined as the changes in the regularly recommencing attempts to clean positive knowledge from metaphysical, ideological and valued influences, saving its objective content.

Keywords: rationality, metaphysics, ideology, values, ersatz-religion.

Феноменологические исследования первой половины XX века показали, что эпистема позитивной науки очевидным образом отошла от тех идеалов познания, которыми руководствовались основоположники науки Нового времени. Классическая рациональность оказалась в затруднительном положении уже в начале XX века, поскольку за границами ее возможностей оказались огромные пласты человеческого знания и духовного опыта. В таких условиях приоритет науки может сохраняться лишь путем вытеснения за ее границы духовно-практических компонентов, которые, с одной стороны, скрывают травмирующую глубину социальной реальности, с другой – обеспечивают тотальность социального действия в условиях стремительно нарастающей дифференциации индивидуальной осознанности. Одним из таких духовно-практических компонентов, отношения которого с позитивной наукой оказались неопределёнными, является идеология.

Позитивизм как стратегия социального познания был основан на нескольких противоречивых методологических установках, для которых он постоянно искал опосредствующие звенья. С одной стороны, позитивисты требовали свободную от метафизики, практически ориентированную новую науку, которая бы устанавливала объективные законы общественной жизни. С другой стороны, они понимали, что до выявления объективных законов и создания Большой теории общества, не следует предъявлять слишком высокие требования к тем социальным доктринам, которыми руководствуются политики. Это расхождение теории и практики породило «тактику откладывания» и своеобразного моратория на создание целостного научно выверенного общественного проекта. А. Гоулднер, исследовавший неявные консенсусные предпосылки позитивизма, писал: «Подобная отсрочка, по сути, будет бесконечной и предположительно растянется до тех пор, пока позитивизм сможет благодаря новой методологии создать новую картину общества» [3, с. 132].

Не желая связывать себя с какой-либо идеологической ориентацией и стремясь «быть над схваткой», позитивисты начали «сакрализировать» не сам образ счастливой общественной жизни, а правила его создания, методологию. Они стали обожествлять науку эпохи индустриализма, которая в их стратегии превратилась в необходимое и достаточное условие общества всеобщего потребления.

Новая рациональность эпохи Modern становится необходимым условием формирования технологической базы индустриального общества, но она же является важнейшим фактором формирования личности, способной жить в новых условиях. Она формирует не только исполнителя, обслуживающего новый технологический базис, но и менеджера, который управляет новыми социально-экономическими и культурными процессами.

В соответствии с новой культурной парадигмой, чтобы подготовить свой ум к исследовательской деятельности, ученому необходимо отбросить все, что известно ему как обычному человеку,

переосмыслить установки так называемого «здорового смысла» и начать руководствоваться исключительно принципами позитивного метода. В свою очередь, позитивный метод определяет содержание правильного мышления и зиждется на трех основных постулатах: занятие позиции внешнего наблюдателя, поддержание состояния нейтральности, технологичность.

Правило внешней позиции означает, что научный разум формируется и определяется как таковой, лишь дистанцировавшись от личного опыта, от «ложных очевидностей, управляющих разумом обывателя» [1, с. 98]. Здравый смысл и повседневный опыт в значительной степени живут иллюзиями и руководствуются предрассудками. Ученый должен критически подойти к своему личному опыту и сознательно поставить себя «вне игры», не быть заинтересованной стороной в стихийной игре чувств и интересов. Только на этом пути он сможет достичь объективной точки зрения.

Заняв позицию нейтрального наблюдателя, ученый последовательно воздерживается от всякого ценностного (заинтересованного) суждения, бесстрастно конструирует предмет науки, остаётся на всем протяжении исследования сугубо технологичным, не выказывает никаких предпочтений. Позитивно ориентированный ученый, опираясь на силу точных наук, переносит их методы в область так называемых наук о духе. Новую науку об обществе характеризует высокая технологичность, ее методы используются *ad hoc* (т. е. конкретно, «по месту»); формальные методы прилагаются к конкретному случаю. С этой точки зрения оправданным является перенос точных методов, зарекомендовавших себя в естественно-научных исследованиях, на социальные науки. Сами социальные науки, таким образом, становятся уделом профессионалов, которые умеют пользоваться научными методами.

Если подойти к указанным принципам не с точки зрения абстрактной логической чистоты, а с позиций *Ideologiekritik*, то можно обнаружить неявные социо-культурные предпосылки, лежащие в фундаменте методологической парадигмы позитивизма. В первую очередь это касается принципа нейтральности, получившего неожиданное подкрепление в социальных практиках Нового времени.

Принцип нейтральности отличал первых позитивистов от иных направлений в сфере познания и политической практики. Позитивисты не только изгнали метафизические и религиозные идеи (бессмертие души, провидение, божественный порядок мироздания и т. д.) из своего арсенала, они квалифицировали старые, отягощенные предрассудками методы, как ненаучные, противоречащие индустриальному развитию общества. Можно сказать, что позитивисты – это второе поколение европейских революционеров, отягощенное негативным опытом революционных преобразований. Они старались вытеснить предыдущий травмирующий опыт на периферию сознания. Именно задачам такого вытеснения служат принципы объективности и нейтральности по отношению к этической дихотомии добра и зла.

Последующие постреволюционные кризисы Реставрации и распространение культуры утилитаризма способствовали развитию глубокого чувства отрешенности от драматических событий политической практики. Позитивизм преобразовал углубляющееся **чувство отрешенности в мировоззренческий принцип** и на основе его разработал систему научного знания. Позитивизм легитимировал превращение отрешенности в ценность научного объективизма. Как отмечал А. Голднер: «Объективность как ценность превращала в предписание и четко выражала ту отрешенность, которую уже ощущал обособившийся индивид: должностное подразумевало возможность. Позитивистское требование объективности послужило откликом на чувство отрешенности, порождаемое культурой утилитаризма...» [3, с. 134]. В условиях экспансии товарного производства привязанность к продукту своего труда проявляется как препятствие для эффективного обмена и коммуникации. Оставляет человек предмет себе или продает его – должно зависеть не от его личных привязанностей, а, в конечном счете, от цены, которая предлагается за товар. В условиях рынка именно цена определяет рациональность (эффективность) производства конкретного товара.

Эта проблема поднимается на экзистенциальную высоту, когда встает вопрос о продаже рабочей силы, т. е. добровольном отчуждении человеком своих способностей. В культуре, основанной на личных привязанностях, такое действие не может стать образцом для массового поведения. Иная ситуация складывается в культуре, основанной на отношениях купли-продажи, в ней отчуждение становится социальным фактом и образцом поведения.

Методология позитивизма возвела чувство отрешенности (отчуждения) в принцип человеческого познания, тем самым способствовала компромиссу индивидуального сознания и действительности, в которой индивид добровольно вынужден отказаться от всех личных привязанностей. Объективность (ничего личного – только бизнес) – это способ придти к согласию с действительностью, в которой утрачены все личные привязанности. Но кем является человек, утерявший личные привязанности? Это

либо божество, существующий по воле случая, либо божество, парящее над реальностью. Конкретные индивиды редко могут до конца пройти путь объективного познания, большинство же под принципом объективности, скрывает свою неудовлетворенность действительностью.

Попытка сформировать целостную методологическую парадигму на основе указанных принципов, рано или поздно обнажала фундаментальное противоречие социологической программы позитивизма. «Позитивное» понимание науки означало ориентацию на всеобъемлющую социальную теорию, основывающуюся на фактической достоверности. Однако, как раз с достоверностью социальных фактов дело обстояло не лучшим образом. Ценностные ориентации и групповые интересы людей искажали реальность и не позволяли видеть сущее, если оно противоречило этим интересам. Ученый как член конкретного общества, не может избежать действия социальной иллюзии и вынужден действовать вопреки принципам своей научной парадигмы.

Это противоречие невозможно преодолеть без решения проблемы достоверности научного знания и «априорности» коллективных убеждений. Можно допустить, что отдельный ученый мог бы оставаться нейтральным (незаинтересованным) в течение длительного времени, пока он не найдет достаточных оснований для своих теоретических построений, но совершенно невозможно допустить, чтобы все люди последовали примеру ученого и отказались от своих интересов во имя поисков научной истины. Такой всеобщий отказ означал бы моментальный крах всей общественной жизни, скрепленной витальными интересами. Из невозможности для каждого индивида принять позицию ученого и долгое время оставаться нейтральным, вытекает необязательность научной достоверности для всех членов общества, и допустимость массового знания, не обладающего достоинствами научности, но тем не менее вполне успешно обеспечивающее повседневную ориентацию людей.

Большинство людей принимает научные законы не в силу личных усилий и личной убежденности в их объективности, а в силу авторитета науки и определенного давления общества, подталкивающего индивидуальное сознание к принятию такого авторитета. Знания ученого и обывателя обладают различными гносеологическими статусами, но эти различия не мешают ученому и обывателю действовать согласованно, сохраняя существующий социальный порядок. В структуре социального порядка идеология создает такую духовную атмосферу, которая не укладывается в каноны классической рациональности, но обеспечивает управление обществом и согласованные действия индивидов в рамках существующего порядка. Идеология нейтрализует сомнения, смягчает негативно-аналитический потенциал научного мышления, ставит границы распространения этого потенциала в человеческом сообществе.

В общественном сознании идеология не только очерчивает действенные границы научного познания, она является своеобразной ничейной полосой между наукой и традиционным религиозным мышлением. Попытки очертить границу между идеологией и традиционной религией породили трактовку идеологии как эрзац-религии, которая соединяет воедино ценностные ориентации представителей индустриального общества. Ведущие социологи начала XX века, такие как М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Манхейм [См.: 2; 4; 5], солидарны в своих попытках преодолеть методологический кризис позитивной науки, который стал очевидным с распространением классической рациональности на социальное познание. Этот кризис обнажился в первую очередь в связи с проблемой политических идеологий, которые стали архимедовым рычагом для приведения в движение огромных масс людей. М. Вебер писал: «На эти представления люди ориентируют своё поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей, в первую очередь как представления о том, что должно (или не должно) иметь значимость» [2, с. 466].

Идя по пути трактовки идеологии как эрзац-религии, М. Вебер выходит на фундаментальную проблему современного мировоззрения – проблему ценностей. Трактовка идеологии как системы ценностей позволяет обнаружить истоки идеологических представлений не в метафизических и религиозных идеях, а в практической почве коллективных представлений людей, что в свою очередь, даёт возможность разработать социологический инструментарий для измерения этих представлений. В социологической теории первой половины XX века проблема глобальных политических идеологий переформируется в проблему осмысленности индивидуального и коллективного действия. Социологи, ставшие на путь «понимающей методологии» и теории ценностно-рационального действия, получили концептуальную модель для исследования массовых политических акций, не прибегая к категории идеология, к этому времени приобрелшей политико-ангажированный оттенок. Появление идеально-типической методологии позволяло исследовать социальное действие, даже в том случае, если оно было подвержено действию иррациональных факторов (аффектам и заблуждениям).

Исследуя внерациональное поведение людей, М. Вебер не стремится к метафизическому обоснованию теории ценностей. Он не идет по пути феноменологов и не пытается создать метафизику

ценностей. Вопрос о трансцендентальном содержании проблемы ценностей немецкий социолог оставляет за рамками позитивной науки. Социологическая наука не обладает средствами рационального обоснования ценностей или их опровержения, она фиксирует «то, что есть» и воздерживается от вынесения суждений о том «что должно быть».

Парадигма позитивной науки произвела на свет несколько конкурирующих концептуальных моделей идеологии. При всем разнообразии этих моделей их объединяет общая стратегия-принцип сохранения наследия Просвещения, через размежевание классической рациональности и ценностного видения реальности. Развитие концептуальной модели идеологии в рамках методологической парадигмы позитивизма можно рассматривать как череду регулярно возобновляющихся попыток очистить позитивное знание от метафизических, идеологических и ценностных влияний, сохраняя его объективное содержание.

Литература:

1. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. – М., 2002. – 368 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX века. Тексты. – М., 1996. – С. 455 – 491.
3. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб., 2003. – 575 с.
4. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 2000. – 700 с.

УДК:801

**Фрадкіна Н.В.¹ – канд. філос. наук, доцент
НТУ "ХП" (Харків)**

ПРОСВІТНИЦЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ СЕРГІЯ РАЄВСЬКОГО ЯК ЧИННИК СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ДИНАМІКИ СЛОБОЖАНСЬКОГО МОДЕРНОГО СУСПІЛЬСТВА: КУЛЬТУРНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ ЗМІСТ

У статті висвітлено забуту постать видатного просвітителя Слобожанщини XIX ст. С.О. Раєвського. Філософські осмислюється його всебічна культуротворча діяльність, яка демонструє нам приклад безкорисливого служіння своєму народові справжнього інтелігента. Наголошується, що використання виховного потенціалу постаті Сергія Раєвського дозволяє говорити про зв'язок часів і виховання нової етики української інтелектуальної еліти.

Ключові слова: просвітництво, культура, філософія культури, інтелігенція, народні читання, народний театр

Фрадкіна Н.В. Просветительская деятельность Сергея Раевского как фактор социокультурной динамики слобожанского современного общества: культурно-философское содержание. *В статье освещена забытая фигура выдающегося просветителя Слобожанщины XIX в. С.А. Раевского. Философские осмысливается его всесторонняя культурно-творческая деятельность, которая демонстрирует нам пример бескорыстного служения своему народу настоящего интеллигента. Отмечается, что использование воспитательного потенциала личности Сергея Раевского позволяет говорить о связи времен и воспитания новой этики украинской интеллектуальной элиты.*

Ключевые слова: просвещение, культура, философия культуры, интеллигенция, народные чтения, народный театр

Fradkina N.V. Educational activity of Sergey Rayevsky as factor of sociocultural dynamics of slobozhansky moderny society: cultural and philosophical contents. *The forgotten figure of the outstanding educator of Slobozhanshchina of the XIX century S. A. Rayevsky is covered in article. The philosophical its comprehensive culture creative activity, which shows us an example of disinterested service to the people of the real intellectual is comprehended. It is noted that use of educational potential of the identity of Sergey Rayevsky allows to speak about link of times and education of new ethics of the Ukrainian intellectual elite.*